

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П18

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложку — *okaminojikan*
Художественное оформление — *Е. Лазарева*

Пар, Даша.
П18 Нисхождение короля: [роман] / Даша Пар. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Магическое равновесие).

ISBN 978-5-17-159971-3

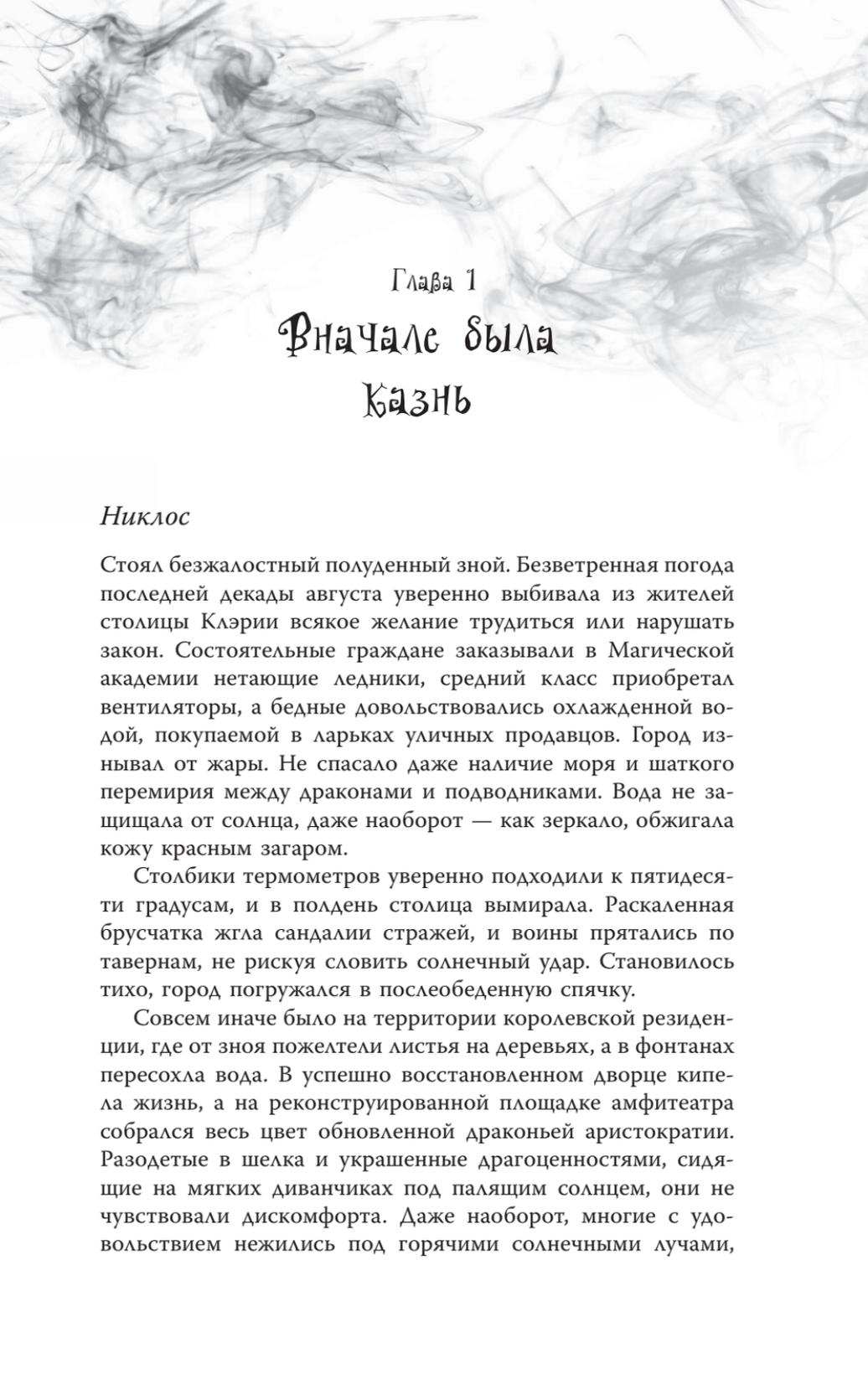
Мир драконов меняется. Предотвращение восстания толкает историю на новые перемены, стирая границы между цветными и серыми драконами. Близятся переговоры с Подводным царством о заключении перемирия, и враги короны не дремлют. У морских берегов пропадают целые деревни, в столице похищают детей с магической кровью, а рядом с королем плетет новую паутину заговора предатель, насылающий на правителя странные сны, наполненные диким желанием обладать... кем?

Вдали от города и придворных интриг Селеста наслаждается медовым летом с мужем, осваивая способности белой драконицы. Девушка и не догадывается о хрупкости своего счастья, не подозревает, как быстро известный ей мир рухнет в бездонную пропасть, а она окажется в лапах могучего черного дракона, покоряясь его злой воли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159971-3

© Пар Д., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Вначале была Казнь

Никлос

Стоял безжалостный полуденный зной. Безветренная погода последней декады августа уверенно выбивала из жителей столицы Клэрии всякое желание трудиться или нарушать закон. Состоятельные граждане заказывали в Магической академии нетающие ледники, средний класс приобретал вентиляторы, а бедные довольствовались охлажденной водой, покупаемой в ларьках уличных продавцов. Город изнывал от жары. Не спасало даже наличие моря и шаткого перемирия между драконами и подводниками. Вода не защищала от солнца, даже наоборот — как зеркало, обжигала кожу красным загаром.

Столбики термометров уверенно подходили к пятидесяти градусам, и в полдень столица вымирала. Раскаленная брусчатка жгла сандалии стражей, и воины прятались по тавернам, не рискуя словить солнечный удар. Становилось тихо, город погружался в послеобеденную спячку.

Совсем иначе было на территории королевской резиденции, где от зноя пожелтели листья на деревьях, а в фонтанах пересохла вода. В успешно восстановленном дворце кипела жизнь, а на реконструированной площадке амфитеатра собрался весь цвет обновленной драконьей аристократии. Разодетые в шелка и украшенные драгоценностями, сидящие на мягких диванчиках под палящим солнцем, они не чувствовали дискомфорта. Даже наоборот, многие с удовольствием нежились под горячими солнечными лучами,

подставляя белоснежные лица и прямо глядя на ослепительно-белый диск на небе. Однако за напускной негой скрывалось жесткое напряжение.

После ремонтных работ амфитеатр преобразился: лишившись заграждений, обрел единую зону, над которой возвышалась королевская ложа. Король задал курс на ликвидацию Домов, так что бывшие порядки уходили в историю, оставались лишь фамилии и новые правила наследования имущества и титулов. Больше никаких глав Домов. Никакой клановой политики. Никакой дискриминации по отношению к серым драконам. Никакого разделения внутри аристократии. Запрет на наследование должностей. Полная лояльность короне. И Никлос жестко контролировал соблюдение новых постулатов.

Сегодняшний день забивал очередной внушительный гвоздь в старые порядки.

Развалившись в огромном кресле, король с удовольствием отправлял в рот одну за другой черные виноградины.

Вокруг него собрались приближенные. Постаревший из-за весенних событий Томар Бай, дремлющий под огромным волшебным зонтиком, возмужавший и окрепший новоявленный канцлер Богарт дэ'Винье с неизменной папочкой в руках, рядышком его жена — Милан дэ'Винье, грустная девушка в глухом темно-синем платье, скрывающем как запястья, так и шею.

С другой стороны, сидел довольный и праздный Акрош Адегельский, нынешний первый маршал, рядом с ним племянник Деян, чье лицо было наполовину прикрыто плотной маской, прячущей уродливый шрам от яда Черной пьютты. За руку его держала напряженная Калиста Адегельская, чей легкий шелковый наряд сверкал изумрудами и серебром, подчеркивая расцвет молодой драконицы.

Такой же красавицей была и Анка Асколь — королевская любовница, разместившаяся рядом с Никлосом в мягком кресле. Она с наслаждением поела персики и сливы из общего блюда, не забывая чувственно облизывать пальцы, со значением поглядывая на короля.

Кроме них, в ложе находилась Винелия Барбская в черном платье простого покроя — она не получала удоволь-

ствия от солнца, вина и сладких фруктов. Девушка до крови искусала губы и вела себя чрезвычайно стеснительно и неуверенно, несмотря на должность главы Совета Женевры.

Рядом с королем появились новые приближенные лица. Фредерик дэ'Алонья — государственный секретарь, в чьи задачи входил контроль над внешнеполитическими связями королевства. Асмонд дэ'Брянцкий — новый глава Казначейства. Морий дэ'Вессмейр — глава Секретариата. И новый личный секретарь Ника — Сериат дэ'Соботье, единственный, кто стоял. Все новички были из серых драконов. После Ночи трезубцев и костей, за отличия в ликвидации последствий заговора, они получили титулы и наследство погибших, за исключением Сериата, который только-только приступил к новым обязанностям. Таким образом, вокруг короля собралась довольно разношерстная компания, объединенная только его волей.

Солнце припекало, аристократы вяло перешептывались, принимая из рук снующих официантов прохладительные напитки. На сцене заканчивали монтировать странное сооружение в виде небольшой непроницаемой клетки с единственной прозрачной стенкой, обращенной к зрителям. Маги, закончив колдовать, повернулись к королю и поклонились.

— Наконец-то! — довольно проворчал Никлос, слегка сощурившись от излишне сладкой виноградинки. — Начиная, — король щелкнул пальцами в сторону сцены.

На его жест отреагировал невозмутимый Богарт. Покинув ложу, он спустился по ступенькам и взошел на площадку, заняв боковую пристройку со специальным магическим громкоговорителем. Шепот на трибунах стих, присутствующие повернулись к нему.

Трижды ударив специальным молоточком по медной подставке и дождавшись абсолютной тишины, канцлер заговорил уверенным и в меру жестким голосом:

— Внимание, уважаемая публика. Сегодня вы собраны для оглашения приговора виновным в заговоре против короны. Сегодня же вы станете свидетелями его исполнения. Да свершится правосудие! — невероятно су-

хо и лаконично закончил Богарт, цепким взглядом окинув смурных зрителей. Никто не сомневался в решении суда, всех больше волновало, как именно пройдет казнь.

Традиционно в королевстве судебными делами заведовал Королевский Суд. Многовидовая организация, в чье ведение попадало всякое нарушение закона на территории королевства. У нее не было единого главы, а имелся коллегиальный совет с избранным посредством голосования Верховным судьей. Королевскому Суду не подлежал весьма ограниченный ряд преступлений и преступников: внешнеполитические нарушения закона, заговоры против Каргатского королевства, преступления и разводы аристократов.

Поэтому остатками бунтовщиков занимался лично Никлос, получивший доказательства от канцлера и его команды. Все лето шли обыски и допросы, с середины июля начались аресты и казни — в первую очередь решали вопрос с простолюдинами и теми, кто лишь косвенно попал в жернова заговора.

Сегодняшний день должен был поставить жирную точку в произошедшем, и король придумал, как сделать это максимально наглядно.

Стоило только Богарту умолкнуть, как из бокового кармана на сцену вывели первого человека, закованного в прочные цепи. Изможденный мужчина слепо щурился, попав из закрытой от солнца зоны прямо на глаза почтеннейшей публики. Среди присутствующих раздавался негромкий возбужденный шепот. Дракон принадлежал к семейству Коричневого дома, занимал не самый видный пост и место в родовой иерархии, поэтому пережил Ночь трезубцев и костей. Хотя нельзя сказать, что ему повезло. Остатки некогда роскошного костюма мешком висели на исхудалом теле. В тюрьме Лакраш не считали нужным хорошо кормить предателей, так что лето преступник провел не на курорте.

— Кэрр Свар Весмер, в ходе проведенного расследования было установлено... — развернув папочку, монотонно заговорил канцлер, ведя по бумаге указательным пальцем.

Солнце припекало. От обезвоживания кэрра Свара шатало, и он почти терял сознание, абсолютно безучастный

к тем обвинениям, которые предъявляла ему корона. Сейчас он мог думать только о глотке чистой родниковой воды с легкой корочкой льда и маленьким листочком мяты...

— И приговариваетесь к смертной казни, — закончил речь Богарт, и тотчас виновного подхватили под мышки и подтащили к клетке. Его втокнули внутрь через не приметную боковую дверцу, и он растянулся на полу, испуганно озираясь по сторонам.

— Ваше последнее слово? — равнодушно спросил Богарт, однако Свар не расслышал вопроса из-за бешеного биения собственного сердца. — В таком случае... Ваше Величество, — обратился канцлер к королю, и тот ухмыльнулся, вставая с места. Внимание присутствующих переключилось на него.

— Я долго думал, какое наказание окажется достаточно показательным и справедливым для тех, кто решил поставить себя выше короны. Кто посмел думать, что власть черных драконов — это пустой звук. Что можно найти способ усмирить нашу ярость, запереть нас в клетке, как зверей, и управлять с помощью кнута и пряника, — вновь возвращаясь памятью в тот день, Никлос медленно заводился, помня, как с ним обращались. Что хотели сделать. И это разбудило нориус, выбравшийся из-под манжет шелковой рубашки. Одно появление тьмы сделало присутствующих максимально внимательными и тихими.

Только Анка продолжала улыбаться, с наслаждением глядя на бывших соперниц и представительниц старой аристократии. Они все дрожат от страха перед Никлосом. А она — нет. И девушка с нескрываемым удовольствием надкусила темно-синюю сливу, так что во все стороны брызнул сладкий сок. Она с нетерпением ожидала казни предателей. Жаждала увидеть, что им приготовил повелитель.

— Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет, — негромко выговорил Ник после непродолжительной паузы, в течение которой прошелся тяжелым взглядом по застывшим лицам придворных. — Смотрите, дорогие кэрры, какой смертью умирают предатели родины!

Его рука плавно поднялась вверх, и нориус разлетелся в стороны тонкими жгутиками, которые над клеткой собра-

лись в причудливый смерч. В ответ на удивительный танец из-под пола закрытой комнаты поднялась еще одна разновидность тьмы.

— Черная пьетта, — едва слышно испуганно прошептала Калиста. Она вцепилась в руку мужа, во все глаза глядя на похолодевшего от ужаса смертника.

— Смотрите и напоминайте, кэрры! — прошипел Никлос, управляя нориусом и через него Черной пьеттой.

Свару не повезло. Он стал первым достойным кандидатом на этот новый вид казни. Поэтому сначала Черная пьетта обхватила его запястья и приподняла над землей, ведя по комнате как марионетку, заставляя дергаться, почти что танцевать. Кэрр не выдержал и тоненько завыл на одной ноте, когда его потянуло одновременно в разные стороны. Король ухмыльнулся, видя, в какой ужас пришла большая часть присутствующих.

Им было страшно. Действительно страшно — они сжимали в руках платочки, до боли крепко держались за подлокотники кресел и руки друг друга. Застывшие, как молчаливые статуи, впервые столкнувшиеся с казнью. Такого они прежде не видели.

Только серые драконы в большинстве своем сохраняли спокойствие. Нет, их напрягало происходящее, но они не чувствовали над собой занесенного меча. И оставались стойкими.

— Внимание, кэрры! — хрипло процедил Ник, насладившись зрелищем. И сжал пальцы в кулак. На стекло брызнула кровь, раздался крик, оборвавшийся на пике. После чего отпущенная пьетта вгрызлась в тело несчастного, и за несколько секунд от него не осталось ничего. — Не забудьте рассказать об увиденном, — добавил король, возвращаясь в кресло к улыбающейся Анке. Она нежно дотронулась до его щеки, одобряя его действия, и он успокоился.

Тем временем вывели следующего обвиняемого. И процедура повторилась, только уже без помпы. Приговор, заключение в клетке, последнее слово, движение королевской руки — смерть. Те, кто успевал что-то сказать, молили о пощаде или кричали о невиновности, но были и те, кто

призывал кэрров свергнуть короля, говоря о его безумии и бесчеловечной жестокости. Таких оказалось немного, и их даже не было жалко.

Никлос играючи обращался с пьеттой, показывая, что каждое творимое за стеклом зверство — дело его рук. Он хотел, чтобы все накрепко запомнили, что ждет за неповиновение короне. Каждый раз, сжимая кулак, король видел перед собой ухмыляющееся лицо Тьена. Слышал его смех и от этого злился все больше и больше. Жалкий юнец, а смог обставить всех! Найденные в доме Адегельских доказательства оказались настолько же чудовищны, насколько ужасающим был тот факт, что парень и от круга заговорщиков скрывал собственные эксперименты с Черной пьеттой.

Но самым жутким было то, что все начала его мать, Вишка, которая с рождения понемногу пичкала ребенка ядом пьетты, вырабатывая устойчивость к спорам растения. Она сплела для него рубашки и нательное белье из стеблей и листьев цветка, а высушенные бутоны перемалывала и набивала ими подушки сына. Тьен всю жизнь контактировал с отравой, и это помогло ему выработать особую связь с растением. Сделало его особенным. Через останки отца и деда Никлоса, найденные в подвале дома Адегельских.

Однако это не сделало его черным драконом. Не сделало из него короля.

Представление наскучило Нику. В сущности, все умирают одинаково, а играть с болванчиками в театр пыток по нраву только конченому садисту. Поэтому последнему он просто свернул шею. Публика притихла в ожидании главного зрелища. Одного из лидеров заговора — единственного, пережившего Ночь трезубцев и костей.

Из старшего сына Брошина Адегельского — Виклоша — удалось выудить лишь крохи информации. Мужчина оказался крепким орешком — под стать жене, что на глазах серых мышей перерезала себе глотку от уха до уха, не оставив мам и шанса прочесть последние мысли мертвячки. Лезвие было щедро смазано белладонной, что спутывала сознание, делая его бесполезным для чтецов.

На сцену вернулся Богарт. Мужчина, слегка побледневший от усталости, вытащил из папочки очередной документ, и по знаку его руки на сцену вытащили Адегельского.

Виклоша было не узнать. Измученное лицо, испещренное сотней морщин, покрытых коростой, клочковатая борода, запавшие глаза, щурящиеся от яркого света... Семидесятилетний мужчина выглядел как стопятидесятилетний старик и едва двигался, подволакивая перебитую ногу. Кандалы на руках до крови сбили запястья, такие же удерживали ноги — за прошедшие месяцы бывший военный несколько раз пытался бежать, разбиваясь о скалы, обрывая крылья. Правда, в последнее время пленник поутих, запал пропал, и он примирился со своим положением.

Теперь же некогда мощный здоровяк, не уступавший размерами Артану, шел, скрючившись, ведомый стражей, которая буквально внесла его в наскоро очищенную от крови предыдущих казненных клетку. К сожалению, остался запах, и это сказалось на ослабленном отвратной пищей Лакраша желудке Виклоша — он пал на колени и выблевал весь скудный завтрак.

Почтенная публика потрясенно молчала, вспоминая, как этот некогда величавый мужчина гордо проезжал на великолепном гнедом коне по центральным улицам столицы во главе армии, как он красовался на балах и вечерах и буквально увел из-под носа Врана Грацбургского прелестную Вишку Грацбурийскую.

А вот его сын, Деян, морщился, с гадливостью глядя на отца. Для всей столицы Виклош был образцом для подражания, старая аристократия восторгалась первенцем Брошина и считала его достойным быть первым маршалом королевства. Его, а не этого выскочку Артана Гадельера. Красавчик Виклош. Военный до мозга костей. Так он относился и к сыновьям. Особенно усердствовал над Тьеном. Деян должен был продолжить род Адегельских, поэтому на него давление шло через брата. Каждый проступок оборачивался ударом по Тьену.

Неудивительно, что их история обернулась трагедией. Деян ненавидел родителей за то, что они сотворили с его

братом. И был доволен нынешним положением отца, от которого осталась лишь тень прежнего.

С трибуны по команде короля заговорил кэрр Богарт, прочистив горло и вперившись ненавидящим взглядом в бывшего генерала:

— Вашим грехам нет числа, вашим преступлениям нет ни прощения, ни искупления. Вашим наказанием будет смертный приговор, ваше имущество будет передано в руки короны, ваши дети будут лишены фамилии, дабы род канул в бездну забвения, будучи запятнанным немыслимым преступлением — заговором против короны и короля. Приговор будет немедленно приведен в исполнение. Ваше последнее слово? — скрипя зубами и едва сдерживаясь, холодно спросил канцлер.

Тишина, нарушаемая только жужжанием пролетающей над сценой пчелы, стала невыносимой. Первые четкие звуки пришли из клетки — Виклош будто очнулся от тяжелого сна. Он, звеня цепями, поднял руки, отмахиваясь от невидимых мух, приложил их к лицу, протирая глаза и губы. Замер на мгновение и медленно встал с колен, опираясь о стекло.

Заскорузлая одежда, бывшая когда-то генеральским парадным костюмом, лохмотьями висела на исхудавшем теле мужчины. Поредевшие седые волосы спускались чуть ниже шеи, превращая его в одичавшего отшельника с сумасшедшим взглядом.

Безумие зажглось в его глазах, когда Богарт закончил речь. И теперь Виклош прислонился лбом к прозрачной стенке клетки и уставился на своих бывших друзей и врагов. Он заговорил резко, пылко и... будто не своим голосом. Будто кто-то другой стоял за его спиной и нашепывал крамольные слова:

— Сидите здесь, разодетые, праздные, напуганные до усрачки, дрожащие от каждого движения королевской руки. А ведь не его вам следует бояться. Король — лишь пешка, всего лишь неприрученная сила, что будет покорена божественной рукой...

Канцлер подался вперед, чтобы прекратить хулу, льющуюся потоком из уст преступника, но был остановлен

Никлосом, который с напряжением смотрел на Виклоша. Он ожидал, что предатель заговорит перед смертью, и его слова станут ключом к пониманию, кто еще мог участвовать в заговоре. Драконы не обладают магией. Это аксиома. А в случившемся слишком отчетливо ощущался магический душок.

— И только те, кто склонится перед мощью уснувших, кто отринет власть черного и со смирением ступит на путь истинный...

Мужчину несло, он кричал, напоминая городского сумасшедшего. Его глаза навывкате цеплялись за каждого зрителя, и придворные отводили взгляды. А Виклош не унимался, распаляясь все больше и больше.

— И погаснет утренняя звезда, и вспенится море кровью чешуйчатых, и сторгят страницы...

Король очнулся от завораживающих речей заговорщика, услышав опасные слова, и тотчас сжал горло Виклоша тьмой, что, как крылья, нависала позади предателя. Тот захрипел, оборвавшись на полуслове, и обмяк. Тогда Ник отпустил его, и Виклош, как кулек, рухнул на пол, приходя в себя.

Проморгавшись, мужчина поднял голову и уставился на короля на удивление ясным взглядом. Он закашлялся, сплевывая на пол темно-синюю жидкость. Вытерев рот, рассеянно нахмурился, пытаясь прийти в себя. А вспомнив и осознав, приподнялся на коленях и прижался руками к стеклу.

Теперь это был действительно генерал Виклош Адегельский. Потрепанный, отощавший, но трезвый, предельно собранный. И глядел он на короля спокойно, без подобострастия, без вызова, стойко принимая тяготы судьбы.

Так смотрит достойный проигравший. Тот, кто рискнул, но не достиг победы. И была в нем отчаянная решимость говорить. Тьма позади отступила — сейчас слово молвит настоящий Виклош, не та маска, что запечатала его уста на долгие месяцы пыток.

— Он обманул нас, — прохрипел бывший военный. — Использовал, чтобы добраться до тебя, Никлос Каргатский. Как до этого добрался до Женевры и Словена. Он жаждет безумия, король. И вы идете в расставленные сети.

— Его имя! — выпалил Ник, поднимаясь с кресла. Тотчас встал нориус, беря королевскую ложу и Богарта с пленником в плотной кокон — никто не должен услышать ничего лишнего.

— Я никогда не видел его, — ответил Виклош, — безликий маг, всего лишь тень, но... я знаю его сообщника, — продолжил он, кивая в ответ на действия короля. — Это... — мужчина захрипел, пытаясь говорить, а потом опять и опять, и с каждой попыткой все больше выкашливал черного дыма, — это девушка, Никлос! Я видел рыжие волосы и... — он закричал, а в глотке раскрылось пламя, языки выбежали наружу, опалая кожу.

Позади Ника завизжала Милан, а Калиста сдавленно охнула, поддерживаемая мужем, тогда как Анка, завороченная горящим и кричащим от боли Виклошем, встала с места, подошла к королю. Она во все глаза смотрела, как пузырится плоть, и жадно вдыхала воздух, пытаясь уловить запах горящего мяса.

— Да потушите его, прошу! — не выдержала Винелия, прижимая руку ко рту и не сдерживая слез. Ей было невыносимо находиться здесь.

— Ищи рядом с собой, — успел еще произнести бывший военный, прежде чем тьма Черной пьютты накрыла магический огонь, обрывая его страдания. И тотчас полог опал, являя публике почерневший труп. Раздавшиеся со всех стороны крики были остановлены твердой рукой Богарта и злобным взглядом Никлоса.

Анка, словно опомнившись, качнулась назад, опускаясь обратно в кресло и расслабляя скрюченные пальцы. Она подхватила бокал с вином и залпом осушила его, не почувствовав ни вкуса, ни крепости. Сидевший неподалеку Акрош мрачно разглядывал останки брата. Он собирался сказать нечто крайне гадкое, но одного взгляда на племянника оказалось достаточно, чтобы заткнуться и вернуться к выпивке. Деян ненавидел отца за все, что тот сделал... но и любил. Как ребенок, в чьей жизни было и хорошее. Сейчас, под прицелом знати, молодой мужчина держал себя в руках, и только Калиста знала, как на самом деле больно было ему видеть смерть родителя.

Она переплела их пальцы и осторожно сжала, прошептав мужу на ухо: «Я люблю тебя, Дэй, и всегда буду рядом».

Тем временем стражи открыли клетку и, разложив плотный кусок ткани, аккуратно завернули в нее то, что осталось от Виклоша. Пока они прибирались, Ник в задумчивости вернулся на свое место.

— Это было заложено в него, как заряд, на случай, если скажет определенные слова, — прошептал, склонившись к королю, Томар Бай. — Такое не обезвредить, времени нет. Хм... а ведь я проверял его — ничего не было. Не пил Виклош синявку. Ему дали ее утром. Знали, что он может прийти в себя и заговорить.

— Твой недочет. Должен был каждого проверить, — процедил Ник, и Томар отшатнулся — так глянул на него король.

— Простите, Ваше Величество. Впредь это не повторится.

— Вызывается последний участник заговора, — по знаку Ника заговорил канцлер, все еще стоящий за стойкой. Он перевернул листы и четко произнес: — Кэрр Рупер Свенский.

На трибунах загудели. Как же это? Герой войны с песчаными демонами! Маршал, награжденный перламутровой звездой самим Словеном Каргатским. Наставник маршала Артана Гадельера...

И стража вывела этого героя. Аккуратно, под ручку, тогда как сам Рупер опирался на палочки, клоня набок седовласую голову. Он подволакивал ноги, слепо щурился, стибался, склонив шею, как стервятник, из-за растущего горба. Старик выглядел гораздо лучше, чем остальные заключенные. В свежей рубашке и штанах, причесанный, без признаков изнеможения. Его держали не в темнице Лакраш, а в лазарете — из-за пережитого у бывшего маршала совсем сдало сердце, и он еле-еле выносил прогулки дольше пятнадцати минут.

Любой вопрос о прошлом вводил Рупера в состояние невменяемости, у него начинался сердечный приступ. Благо он охотно шел на контакт и сам, когда чувствовал себя лучше, выдавал все, что знал. А знал мало — из-за связи с Артаном и обиды Адегельских его держали на поводке,

шантажировали, но не нагтели — понимали, что будет, если старик заговорит. Так и получился титулованный заложник-предатель, что активно занимался Черной пьеттой, по сути, один из разработчиков того, во что она превратилась. И что с ним было делать?

Когда Богарт перечислил прегрешения старика, которому заботливо поставили в клетку мягкий стульчик и принесли воды, стало тихо. Придворные, затаив дыхание, ждали, что скажет король.

Ник долго думал, как поступить с предателем. В конце концов, бывший маршал как военный обязан был, несмотря ни на что, доложить о своем преступлении и раскрыть заговор. И пойти под трибунал. А с другой — именно он спас Артана.

Поэтому король заговорил весомо, подбирая слова:

— По закону за подобные преступления приговор один — казнь, — на трибунах зашептались, но под немигающим королевским взглядом умолкли. — Однако, в память о былых заслугах и с учетом действий, способствовавших спасению маршала Артана Гадельера, милостью короны приговор будет смягчен.

Следом заговорил Богарт:

— В соответствии с волей короля, Никлоса Каргатского, Рупер Свенский помилован, смертная казнь заменена пожизненной ссылкой из столицы Клэрия. Рупер Свенский лишается всех титулов и наград, королевской пенсии и всех владений. Он отправляется под опеку кэрра Артана Гадельера, согласившегося взять преступника на поруки.

Стража медленно уехала со сцены плачущего старика. Тягостная тишина под невыносимым полуденным зноем была как удушающее одеяло. От открытой клетки тянуло паленым мясом, и придворные гадали, что же случилось за пологом нориуса. Король сжег Виклоша? Как и почему таким образом? Многие с сочувствием поглядывали на последних оставшихся в живых членов семьи Адегельских.

Акрош за ножку вертел в руках пустой бокал, безучастно обводя взглядом опустевшую сцену, будто ему и дела нет до того, что там произошло. Деян, успокоенный Калистой,

о чем-то тихо переговаривался с Томаром и также не стремился демонстрировать шок от потери или злость на королевский суд.

Домовая книга семьи Адегельских закрыта и запечатана, как и книги предателей из иных Домов. Теперь Акрош и Деян будут заново доказывать лояльность и преданность короне. Жизнь с чистого листа.

— Все свободны, — насладившись оглушительной тишиной, выдал Никлос. — Помните, что увидели сегодня. И разнесите вести по всему королевству и соседним странам, дабы и другие помнили.

— Ох, это было чудесное представление, милый! — игриво протянула Анка, прислонившись к плечу Ника. Подошедший канцлер был остановлен королем, а после и вовсе отослан прочь.

Рядом с Анкой Никлос чувствовал себя лучше. Ее золотистые волосы бронзой сияли на солнце, подчеркивая яркость бирюзовых глаз. Поддержка драконицы грела сердце короля, и он довольно ухмыльнулся.

— Я рад, что казнь не напугала тебя, красавица моя. И рад, что на подданных она сказалась иным образом.

Анка презрительно фыркнула, потянувшись за очередным фруктом. Понюхав вишенку, сморщилась и бросила обратно на тарелку, вновь возвращаясь к Нику. Запустила руку под его рубашку, прижимая ладонь к медленно бьющемуся сердцу мужчины.

— Они должны бояться, мой повелитель. Без страха нет почтения, а они должны почитать тебя за все, что ты сделал для них.

Находящиеся позади королевских кресел подданные в лице Фредерика, Асмода и Мория недоуменно переглянулись, почуяв открытую ересь в словах девушки, но Никлос улыбнулся ей в знак согласия.

— И вообще, я проголодалась, — лукаво проворчала Анка, облизывая губки. — И хочу поохотиться...

— Ты самая ненасытная женщина из всех, кого я знаю, — рассмеялся Ник, выпуская девушку из объятий. Та вприпрыжку сбежала по ступенькам на сцену, обернулась к ко-